

Матьяна Веденская

ЛУЧШИЕ
РОМАНЫ
ОТНОШЕНИЙ
ЖИЗНИ
СЕКРЕТЫ

СЧАСТЫ
ТЕБЕ,
ДОРОГОЙ!

Первое издание. 1 000 000 экз. (всего)

Татьяна Веденская

Счастья тебе, дорогуша!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=435365

Счастья тебе, дорогуша!: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-45666-6

Аннотация

Так бывает после развода: друзья, которые клялись тебе в любви, неожиданно принимают сторону бывшего супруга; муж из друга превращается во врага; желанные самостоятельность и независимость оборачиваются нуждой и неприкаянностью. Вот с таким анамнезом попадает в больницу несчастная Маргарита. Да только бывает и так, что одну болезнь излечивает другая. Но окончательному исцелению может помочь только желание... Желание любить и быть любимой.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	19
3	37
4	51
5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Татьяна Веденская

Счастья тебе, дорогуша!

Отдельные названия глав просмотрены на майках отдыхающих Краснодарского края.

Часть первая

Все бабы как бабы, а я королева

1

«Вышла из себя. Вернусь через 5 минут»

Людям свойственно ошибаться, и я, к сожалению, не была исключением из этого правила. Время от времени меня заносило... немного. Обычно я могла с легкостью, как дважды два, доказать, что я ни в чем не виновата. И даже больше, я с идеальной точностью пояснила бы, почему и где не прав ОН. И это не являлось бы натяжкой. Возможно, это была бы даже правда. Возможно, но только не на этот раз. И хотя в кафе, где я вот уже полчаса дожидалась чашки эспresso, меня позвал он, я все равно чувствовала себя неудобно. Он

пригласил меня для разговора, но не просто для разговора, а для РАЗГОВОРА – большого выяснения наших непростых отношений. И мне бы лучше репетировать примирительную речь, но вместо этого я только и думала о том, что кофе все не несли.

– Какого черта вы ни хрена не делаете? – показывала я всем своим видом. – Вы что, слишком заняты, чтобы заняться своими прямыми обязанностями?

– Мы вас не видим, мы слишком заняты, чтобы смотреть по сторонам, – демонстративно отворачивались они. Хотя аншлага в кафе не было. В другой день я бы наверняка что-то им сказала. Или вообще удалилась бы из кафе, предоставив Кешке искать и вызванивать меня по телефону. А на вопрос, почему это я уехала, не дождавшись его, я бы ответила, что сидеть в подобном месте выше моего терпения. Но сегодня я сидела молча. У меня так сильно от волнения пересохло во рту, что если бы мне пришлось что-то сказать сейчас, получился бы только петушиный крик, а не членораздельная речь. Хорошо, что он еще не пришел, подумала я. Не стоит ему знать, что я волнуюсь.

Я перекинула ногу на ногу, подперла подбородок кулачком и вздохнула. Признаю, в этот раз меня занесло несколько сильнее обычного. Может быть, поэтому я сегодня так нервничала? Все-таки быть виноватой совсем не так приятно, как громыхать в приступе праведного гнева. Второе у меня получается гораздо лучше первого. Виноватой я быть не умею

и не люблю. Да и так ли уж я виновата в сложившейся ситуации, если вдуматься? В таких ситуациях, если еще разок вдуматься, всегда виноваты двое. Это как минимум. А еще лучше, чтобы виноватым в итоге оказался он. Я гораздо лучше умею прощать, чем просить прощения. Мне это больше идет.

– Извините, пожалуйста, – ко мне подошел долговязый паренек-официант, забавно обмотанный фирменным длинным фартуком.

– Да, что? – я вынырнула из своих мыслей и попыталась собраться в единое целое. Что-то плоха ты сегодня, милочка. Давай, давай, просыпайся.

– Извините, это вы заказывали латте?

– Нет, – помотала головой я. – Я заказывала двойной эспresso и, если честно, совсем не понимаю, почему его нет на моем столе вот уже, – я демонстративно взглянула на дорогие часы на моем запястье, – вот уже полчаса.

– Извините, – еще сконфуженней пробормотал паренек. Я машинально отметила, что рука у меня немного дрожит.

– Я бы и рада вас извинить, но ведь вы и сейчас пришли без моего кофе. Почему?

– Кассир перепутал номера... номера столиков. Сейчас принесу. Секундочку.

– Хотелось бы верить, что наши с вами секундочки одного размера, – раздраженно ответила я и отвернулась. Мои любимые часы: стекло из цельного хрусталя, благородный тем-

но-малиновый оттенок, по кругу рассыпь бриллиантов – его подарок, разумеется. Он выложил за них в прошлом году чуть ли не всю прибыль от какой-то сделки. Широкие жесты – это весомый плюс в моем списке. Он всегда умел их делать, в меру своих возможностей, конечно. Другие мужчины, между прочим, и побогаче него, таких часов мне не дарили. Большинство представителей сильного пола всегда умело сопоставляло степень потенциального удовольствия от общения с величиной расходов. Так вот, мои любимые часы показали не только то, что кофе нет возмутительно долго, но и то, что Кешка опаздывает уже на десять минут. Не похоже на него.

Обычно опаздывала я, просто потому, что время для меня не имело никогда большого значения. Я не говорю сейчас о тех традиционных десятиминутных опозданиях, которые мы, женщины, практикуем испокон века. Мы были так долго женаты, что все эти игры давно отошли в небытие. Когда-то, когда мы еще только встречались, я вволю повеселилась, глядя, как он подпирает дурацкие часы на столбе около станции «Аэропорт» и держит в руках предназначенные мне цветы. Держит как веник – цветками вниз. А когда приподнимает рукав свитера, чтобы посмотреть на часы на руке, веник смешно подлетает вверх и замирает, как шлагбаум. Потом опять вниз. Почему-то он всегда смотрел на свои наручные часы, а не на те, что на столбе. Не доверял он столбам. А сегодня вот на часы смотрю я. И такое, дай бог памяти,

чуть ли не впервые.

– Ваш двойной эспresso, – гордо произнес запыхавшийся официантик.

– И на том спасибо, – кивнула я, обдавая его холодом. Сейчас мне так хотелось хоть кого-то порвать на куски. Мне было слишком не по себе, так что... прости, мальчик, ты просто попал не в то время не в то место. Где ж ЕГО все-таки черти носят!

– Что-нибудь еще?

– Принесите пепельницу. У вас тут ведь, вроде, можно курить?

– Да, можно. Странно, что пепельницы нет на столике, – огорчился мальчишка. Было видно, что он сильно старается, чтобы переменить мой гнев на мою милость. И, думается мне, тут дело не только в чаевых. Какие чаевые могут быть за чашку кофе? Есть я не собиралась, было уже около восьми вечера. Не то чтобы я соблюдаю диету, но иногда, время от времени, мне хочется начать наконец заботиться о себе. Как сегодня, к примеру.

– Пепельницы не летают, – усмехнулась я. – Если их нет, значит, их не поставили.

– Это вообще-то не мой столик, – разобиделся он. – Я только подменяю напарницу.

– Послушайте... – устало начала было я, но махнула рукой. – Просто принесите пепельницу и пачку Vogue. И все будет просто отлично.

– Да, конечно, – он поспешно отпрыгнул куда-то в сторону на своих длинных ногах и через мгновение вернулся, положив передо мной и пепельницу, и сигареты. Да, сразу видно, молодой еще. В моем возрасте уже не станешь вот так стараться из-за каких-то чаевых.

– Прекрасно, просто прекрасно, – улыбнулась я, на этот раз тепло. – Хотите, напишу о вас отзыв?

– Отзыв? – нахмурился он. Видно, хорошего от меня он уже не ждал.

– Ну да, отзыв, – невозмутимо пожала плечами я. – О том, как прекрасно вы подменяете свою напарницу. Чтоб вам благодарность объявили. И премию дали.

– Нет, не стоит, – отказался он, так и не решив, издеваюсь я над ним или уже наоборот. Но в этот момент я увидела в дверях ЕГО, так что мальчишка-официант в одну секунду просто перестал для меня существовать.

Он стоял еще довольно далеко от меня, у самого входа в кафе, и щурился, словно вошел в темень из яркого света. Был он довольно растерян, но так он выглядел всегда – как ребенок, потерявшийся в супермаркете и не понимающий, куда ему двигаться дальше. Он ждал, чтобы к нему кто-то подошел, направил его, задал вектор его движению. С моего места не было видно, трезв он или напротив. Издалека этого никогда нельзя было разобрать. Для того чтобы понять его кондицию, требовалось подпустить его к себе чуть ближе. Но независимо от того, трезв или нет мой муж, я вдруг почув-

ствовала сильнейший прилив крови к щекам. Я неритмично, но глубоко вздохнула и вцепилась в салфетку. Страстно захотелось посмотреться в зеркало на предмет степени румяности моих щек. Ощущение было такое, что они просто пунцовые, словно их натерли свеклой. А мне сейчас совсем не хотелось выглядеть плохо. Когда угодно, но сейчас мне надо быть самой собой: Маргаритой-красоткой, Маргаритой-вамп, Маргаритой-повелительницей и все такое. Пунцовые щеки в мои планы не входили, и я уже было решила поднять к лицу зеркальце из косметички, но увидела, что он уже идет ко мне, естественно, в сопровождении распорядителя зала. И... да, он был трезв. Хоть в этом повезло, но это-то и странно. Признайся, как часто ты, моя дорогуша, видела его трезвым в такое время да еще по такому поводу?

– Маргарита? Ты здесь? – он задал свой традиционно-нелепый вопрос, глядя прямо на меня. Я явно была здесь, я была не выдумкой, не галлюцинацией, но ему требовалось дополнительное подтверждение.

– Да, я здесь, – я усмехнулась и почувствовала, что обретаю хоть какую-то почву под ногами. Из-за чего я дергалась весь день? Передо мной всего лишь он, мой муж Кешка, тот самый, которого я знаю как облупленного, которого изучила за почти десять лет так, что могу листать и с закрытыми глазами цитировать его с любой страницы, строчки или абзаца. Мой Кешка, он, как наступление холодов, неизбежен и предсказуем. Я относилась к нему тепло, как к осени, у ко-

торой, как ни крути, все же случаются хорошие деньки. Он был родным и теплым, правда, я никогда не любила его так, как он любил меня. И он, между прочим, отлично это знал. Но в отношениях один всегда любит, а другой только позволяет себя любить.

– Ты уже что-нибудь заказала? – он присел на краешек стула напротив меня и стал листать меню, заметно дергаясь. С чего бы? Боится, что я выкину какой-нибудь фортель? Встану и уйду? Скажу, что он все не так понял и я не собираюсь к нему возвращаться? А что, я могу. Я и не такое могу, но не сегодня, не сегодня.

– Только кофе.

– Ты опять не ешь после шести? – улыбнулся он, но взгляд так и остался в меню. – Тебе не кажется, что тогда стоило бы заказать не кофе, а зеленый чай.

– Я не собираюсь сегодня рано ложиться спать, – пробормотала я как бы себе под нос. – Думаю, ты не за этим меня сюда позвал, чтобы ругать за кофе на ночь?

– Не за этим, – кивнул он и посмотрел на меня.

– Ты, кстати, опоздал.

– Правда?

– Да. Ты не заметил?

– Прости, – сконфузился он и потянулся за моими сигаретами. – Можно?

– Почему бы и нет? Только ты такие ведь не куришь.

– Я забыл купить сигарет. Я оставил свои у... ну... оста-

вил, понимаешь? – он сделал бессмысленный жест рукой и скис.

– Закажи тут, они продают сигареты, – пожала плечами я. – Слушай, о чем мы говорим? О какой-то ерунде. Давай-ка, начни заново и скажи что-нибудь другое.

– Что? – заерзал он. Все-таки с ним было что-то не так. И не только потому, что он был совсем, совсем трезвым.

– Что-нибудь важное. Например, что ты рад меня видеть, – предложила я с легкой улыбкой.

– Я... – помолчал он, отводя глаза. Потом с усилием кивнул и посмотрел прямо на меня. – А ты? Ты рада меня видеть?

– Ну... да, – закашлялась я.

– Правда? – удивился он.

– Что странного в том, чтобы обрадоваться встрече с мужем?

– А как же... твоя большая любовь? Она что же, прошла? – спросил он. Спросил без агрессии, осторожно, как сапер, счищающий щеточкой песок с застарелой, но все еще опасной гранаты. Да уж, моя большая любовь. Вернее, большой скандал, с которого все началось в этот раз. Я так устала от бури, швырявшей меня по океану страстей все лето. Меня основательно побил о камни, я явно нуждалась в ремонте. Кешка на роль тихой гавани подходил идеально. Как всегда.

– Давай не будем об этом вспоминать, – попросила я, хватаясь за чашку с кофе. Кофе, кстати, был неплох, только уже

ОСТЫЛ.

– Давай, – согласился он, и мы дружно замолчали. Если не говорить об этом, было сложно придумать, о чем тогда вообще говорить. О погоде? Погода была – дерьмо. Нет, другого слова и не подберешь, хоть и август на дворе, но все бродят в куртках, под зонтами, с которых все время течет, словно у всех зонтов ужасный насморк. И лица – злые и не летние, а скорее глубоко осенние. И в бабье лето уже нет сил верить, но не об этом же в самом деле говорить с мужем, которого не видела почти четыре месяца.

– Как ты добрался? Пробок не было? – любезно подбросила тему я.

– Ты знаешь, нет. Пустые дороги, прямо не верится. Таксист даже расстроился, что мы ехали по счетчику. А я ему предлагал сговориться на твердой сумме.

– Когда ты уже получишь права? – поддела его я.

– Наверное, не в этой жизни, – развел он руками. Сколько уж над ним потешались все наши друзья, сколько ни пытались его хоть как-то переубедить – он не сдавался. Стоял, как Китайская стена. Монолит. Общественный транспорт навсегда – и точка. Он спокойно переносил все тяготы подземки и автобусов. Он даже, кажется, любил таксистов. Так было проще. Проще не опаздывать, проще, если ты где-то выпил. Последнее, кстати, я думаю, было самым важным. Если водка мешает работе, брось ее на фиг, работу свою. В его случае вождение автомашины существенно вредило пьянству.

И проще было не водить вообще.

– Может быть, ты возьмешь что-нибудь себе? Ты уже ел что-нибудь? – я старалась говорить непринужденно, словно не было последних четырех месяцев и моей Большой Любви.

– Я не голоден. Меня покормили, – отказался он, говоря о себе как о каком-то щенке. Его ПОКОРМИЛИ. Кто, интересно? Буфетчица? Секретарша из его офиса? Обычно это делала я, кормила его, встречала пьяного в первом часу ночи, укладывала спать. Жить с ним было и вправду похоже на то, как если бы я завела собаку. Я бы также молчала рядом с ним часами, неделями, годами. Наполняла бы его миску, ругала бы, когда он виноват. Запирала бы одного в квартире, когда мне надо было отлучиться.

– Тогда, может, десерт? – произнесла я просто так, чтобы заполнить паузу. И незаметно посмотрела на него. Он немного изменился за четыре месяца. Не сильно, не до неузнаваемости. Одет чуть лучше, чем обычно, рубашка, а не одна из его вечных бесформенных водолазок. Кажется, новые джинсы. Отлично сидят. Нравится он мне? Пожалуй, да. Лучше, чем могло бы быть. В конце концов, он пришел трезвый, это уже хороший знак.

– Ты что, забыла? Я не люблю сладкого, – удивился он. Я пожалала плечами. Да, забыла. Ведь у меня была Большая Любовь, и я забыла все. Я ведь думала, что информация о Кешке мне более не потребуется. Некоторые моменты я стерла из памяти с наслаждением. Я поперхнулась, оставила в сто-

рону кофе и потянулась за сигаретами. Милая моя, зачем ты это делаешь? Зачем тебе все это – опять?! Прямо сейчас, пока ты еще не начала, милая, признайся себе: есть кое-что, вернуться к чему ты не хочешь и не можешь. Ты к этому не готова. И никогда не будешь готова. Ведь если вы снова окажетесь вместе, это будет означать не только будете жить с ним, готовить, стирать, молчать, встречаться с друзьями. Даже принимать у себя его мать и отца, устраивать шашлыки. Предполагается еще одна маленькая мелочь – он снова будет к тебе приставать. Каждую ночь. Или почти каждую, когда не наберется в стельку. К этому-то ты не готова. Никак. И никогда не была готова. Терпела – да, делала вид – еще бы. Но с каждым годом это было все трудней и трудней. Нет, дело не во фригидности или еще какой форме холодности. Ты очень даже любила заниматься любовью. Любовью. Но только с Кешкой заниматься любовью было нельзя. Можно было только сексом.

– Извини, я сегодня что-то сама не своя.

– Может, ты заболела? – участливо поинтересовался он. – Вот и щеки у тебя какие-то красные. Прямо полыхают.

– Все-таки да? – расстроилась я. – А я надеялась, что это мне только кажется.

– Тебе надо измерить температуру. Дай-ка я лучше отвезу тебя домой, – заботливо добавил он и даже вскочил с места. Вот тут я и вспомнила, что именно ради этой заботы, этой безоговорочной любви я всегда и возвращалась к нему. Вер-

нее, он всегда возвращал меня к себе. Он проявлял столько терпения, столько такта, столько умения оставаться слепым и глухим, когда НАДО, что в какой-то момент я неминуемо малодушно сдавалась и соглашалась: давай попробуем еще раз. Попробуем наладить наши непростые отношения. Как и в этот раз. Я сидела здесь, в этом кафе, потому что сегодня утром он позвонил мне и сказал, что нам надо встретиться и поговорить. Он не позвонил раньше, но и не задержался со звонком дольше, чем нужно. От наших общих друзей он, видимо, уже точно знал, что моя Большая Любовь больше не существует. И, видимо, догадался, что именно сейчас мне грустно и одиноко. Впрочем, может, он и не выводывал обо мне ничего. Иногда мне кажется, что он действительно чувствует меня, как какой-то экстрасенс.

– Нет-нет, ничего страшного со мной не происходит. Давай не будем суетиться. Ты хотел со мной поговорить? Так говори.

– Нет, я думаю, лучше не сейчас, – взволновался или даже чуть испугался он.

– Я не настолько больна, чтобы надо было вызывать «Скорую» и класть меня в больницу. Я вполне в состоянии сидеть и слушать. Или получится, что я зазря приперлась в центр города.

– Но может, не стоит... ты уверена, что в порядке? – нахмурился он.

– Абсолютно! – разозлилась я. Можно подумать, что наш

разговор стоил всей этой суеты. Мы оба прекрасно знали наши роли, они отскакивали от зубов из-за многократного повторения. Сейчас он скажет, что скучал по мне, а я скажу, что, как ни странно, тоже скучала по нему. И он добавит, что жалеет, что так все вышло, но не хотел бы стоять на пути моего счастья. А я отвечу, что он ничего не понимает в счастье. Потом он скажет, что часто думал о том, как все-таки хорошо мы с ним жили до... ну... тут мы оба опустим глаза и помолчим минутку-другую. А я тихим, немного срывающимся голосом спрошу: но ты ведь понимаешь, что ничего этого бы не было, если бы ты так не пил? И тогда он скажет, что теперь он не пьет совсем и что если бы только я согласилась... то может быть... мы бы могли еще раз попробовать... наладить... наши... и без того непростые... и все такое. А я смиренно признаю (ох, как я этого не люблю), что в какой-то степени тоже виновата в том, что произошло. Мы с ним слишком мало говорили друг с другом. Нам надо больше обсуждать наши проблемы, наши чувства.

И вот, наконец, после всего этого нагромождения слов мы посмотрим друг на друга и он скажет: поехали домой. И мы поедем. Конечно же, на такси. И дома будем очень осторожны друг с другом, особенно первое время, первые недели, может, месяц. А потом однажды он придет домой слегка подшофе, а я задержусь у подружки и вернусь после одиннадцати. Потом я буду все чаще проводить выходные в одиночестве, пока он пьет у метро пиво с каким-нибудь приятелем

из фирмы контрагента. И обязательно настанет день, когда он домой практически вползет и обязательно станет ко мне приставать особенно мерзко, и от него будет ужасно пахнуть, и он будет нести какой-то бред. А я... задержусь уже у какого-нибудь *друга*, хоть и буду чувствовать себя при этом последней свиньей. И все будет по-старому, по-нашему, и ничего изменить нельзя. От этого знания мне хотелось закричать. Я так устала от этой неизбежности.

– Марго, я просто не знаю, как тебе это сказать.

– Скажи как есть, – обреченно кивнула ему я.

– Ты должна знать... я пришел, чтобы сказать, что... чтобы ты, ну... была в курсе, что ли!

– И? – похолодела я. Он что, не читал сценарий? Забыл слова?

– В общем... я встретил другую женщину, – собравшись с духом, вдруг выпалил он и застыл.

– Что-что? – переспросила я. Мне показалось, что я ослышалась. Захотелось попрыгать на одной ножке, чтобы выбить из уха пробку, из-за которой мне показалось, что я слышала подобную ерунду. Что такое? Он встретил? Кого? Женщину? Не смешите меня! И кто – Кешка? Три раза ха-ха!

– Я тут... встретил...

– Ты это серьезно? – неожиданно тихо, срываясь, переспросила я.

– К сожалению, да, – кивнул он. Тут я потеряла дар речи.

«Жёпа – это как- то поинтеллигентнее»

Сказать, что Кешка меня удивил, было бы неправильно. Он не удивил, он меня потряс. Потряс настолько, что я вообще не поверила ни единому его слову. Столько лет он смотрел на меня как на свою личную персональную богиню, и что? Кого-то там встретил? Да мимо него всегда ходили толпы женщин, вождедеющих его с той или иной степенью страсти, но... ни разу, никогда, ни с кем. Что поменялось? Это что, месть за мою Большую Любовь? С чего бы? А впрочем, очень даже может быть. Что ж, если так... мы еще посмотрим, кто кого. Я сидела и молчала, мое лицо было относительно спокойно (относительно Кешкиного), но мысли скакали в голове, как взбесившиеся кони, наступая одна на другую.

– Что-нибудь еще? – спросил официантик, забирая со стола мою так и не выпитую чашку. Мы ему явно не нравились как клиенты. Кафе заполнялось усталыми, голодными людьми, мест уже было мало, а мы с Кешкой просто сидели и молчали, глядя в разные стороны. Я старательно рассматривала орнамент на жалюзи, а он, кажется, изучал надписи на пачке сигарет. Пачка не обещала ему ничего хорошего в бу-

душем, только болезни и беды. Теперь так положено писать на пачках, чтобы курящему было очень неприятно, когда он закурит. Чтобы он знал, подлец, как плохо поступает, как убивает себя и вносит смуту в общественное процветание.

– Нет, спасибо, – первым ответил Кешка, но я его перебила.

– Принесите что-нибудь выпить.

– Мне не надо, – дернулся мой благоверный.

– Это не для тебя.

– Что будете пить? – повеселел халдей. – Вино? Шампанское? Сейчас принесу винную карту.

– Принесите водки, – выдохнула я и перевела взгляд на Кешку.

– Зачем? – взглядом спросил он. Взгляд бегал. Я усмехнулась. Водка испортила всю нашу с ним жизнь, а сейчас он почему-то глупит и возмущается.

– Затем, что сейчас самое время выпить, – насмешливо посмотрела на него я. – Значит, у тебя есть другая. Я не сплю? Мне не послышалось?

– Да, – покорно кивнул он. – То есть нет. То есть...

– В целом понятно. – Я смотрела на него с интересом, пытаясь представить его рядом с кем-то другим. С другой. У меня ничего не получалось. Да и как иначе, если вот уже с десяток лет для него существовала только я. Да, я не пай-девочка и порой действительно делала ему больно. Да, то, что было между нами, никак нельзя было назвать этим плюше-

вым словом «счастье». Но никого, кроме меня, он никогда не замечал. Когда это изменилось? Это не могло изменить-ся! Мир перевернулся?

– Ты сейчас от нее? – вдруг заинтересовалась я.

– Да.

– Значит, это она тебя покормила, – зачем-то подчеркнула я. И простая мысль огрела меня не хуже удара топора: кто-то кормит моего Кешку, кто-то с ним даже спит! Хотя почему «даже»? В принципе, он же не урод, не придурок, а вполне нормальный, привлекательный мужчина. Особенно если на него не смотреть моими глазами.

– Ты же понимаешь, что не имеешь права меня винить? – выпалил он и с силой потушил окурок в пепельнице. Официант моментально заменил ее на следующую, чистую. Люблю я этот чертов сервис, хоть бычками не надо дышать. А чаевые дать придется, ишь как старается. О чем я думаю? У меня мужа увели! Су-уки!

– Конечно-конечно, – ласково кивнула я, глядя, как официант размещает на нашем столике запотевший графинчик. – Не имею никакого права.

– Закусывать ничем не будете? – осведомился он.

– Нет, спасибо, – помотала головой я, но Кешка тут же развил активность.

– Марго, нельзя тебе пить на голодный желудок. Ты что, хочешь, чтобы тебя развезло? – засуетился он. – Дайте нам что-нибудь... салатов, что ли! – это уже официанту, снова с

неопределенным жестом рукой. Мол, откуда я знаю? Решите все за меня, плиз.

– И давно ты с ней? Кто она? – продолжала я, не обращая внимания на всю эту суету. – Налей мне, пожалуйста. И не надо никакого салата. Я не ем после шести. Так что? Давай, рассказывай.

– Какая разница? – занервничал он. Даже водку пролил. Но разлил, кстати, на двоих. Ха-ха, кто бы сомневался. Раз уж у него есть другая, она сегодня его получит в соответствующей кондиции. Он к ней вползет. То-то она обрадуется! С другой стороны, если он с ней живет все это время, то она уже наверняка имела наслаждение наблюдать Кешеньку в состоянии «пресмыкающегося». Или они не живут вместе, а только встречаются? Почему я ничего вообще не знаю?

– Сколько ей лет? У нее есть дети? Она красива? Молода? Ты с ней счастлив?

– Марго, я пришел сказать, что больше не вернусь. Все кончено.

– Ох, какие мы категоричные! Ты так спешишь, что боишься передумать?

– Нет. Марго, давай не будем начинать. Я больше не играю в эти твои игры, я устал. Ты меня не любишь. Может быть, никогда не любила.

– Но ты-то меня ведь любил, – заметила я. – А теперь что, разлюбил? Твое здоровье! – мы выпили не чокаясь.

– Я тебя любил, – согласился он. – Но этого ведь недоста-

точно.

– Ты мне так и не сказал, ты счастлив? Тебе лучше с ней? Лучше, чем со мной?

– Прекрати, а то я уйду, – разозлился он, но я хлопнула еще стопку и едко улыбнулась.

– Можешь не спешить, потому что ухожу я. Все равно от тебя не дождешься подробностей. Только имей в виду, потом не плачь. Я, ты знаешь, второй раз уже не вернусь. Умерла так умерла.

– Я знаю. Может, это и к лучшему, – грустно согласился он, и я, прежде чем покинуть этот зал, успела злорадно заметить, что Кешка налил себе еще. Как раз ему принесли мой салат.

Ноги несли меня по тротуару Садового кольца, я бежала, подгоняемая шумом стоящих в пробке машин, светом их фар и нервными переливами их клаксонов. Автомобили бибикали друг другу, словно птицы, сердито ворчащие на своем птичьем языке. Только через несколько кварталов я обнаружила, что несусь в неизвестную и ненужную мне сторону с бешеной скоростью, что лицо застыло в одном, нейтральном выражении, зубы сводит от непонятного напряжения, а руки сами собой сжимаются в кулаки. Я заставила себя остановиться и посмотрела на свое отражение в какой-то витрине.

– Симпатично выглядишь, мадам. Для брошенной женщины! – усмехнулась я своему окаменевшему двойнику. Красивое темно-синее платье из шелка делало меня неотра-

зимой, но с таким лицом, как у меня сейчас, оно смотрелось нелепо.

– А что ты хотела? Ты во всем виновата сама. И теперь ты совершенно одна, – ответило мне отражение, и эта мысль не понравилась мне. Мной овладела ярость, неуправляемая и бессмысленная, направленная в никуда, ярость оттого, что я впервые в жизни просто не знала, что мне делать.

Нет, не впервые. Пожалуй, был у меня один случай, когда я вот так же бежала, не разбирая дороги, только лицо мое тогда было не каменным, а красным и мокрым. От слез. Но о том, первом, разе я уже давно забыла и не вспоминала о нем сто лет. Муки первой любви, вы что, смеетесь? У кого в жизни не бывало первой любви? У кого она не заканчивалась трагически? И только для того, чтобы освободить место для второй любви. А потом третьей, четвертой и даже пятой, если муж не очень ревнив. Мой муж ревнивым не был. У него имелось немало недостатков, из которых самым мучительным и непреодолимым был его алкоголизм. Но что-что, а ревнивым он никогда не был.

Мы были женаты почти десять лет, знакомы больше. Выпивал же он, только на моей памяти, лет пятнадцать, не меньше. Когда я выходила за него замуж, он уже имел с этим массу проблем. И многие наши общие знакомые хмурились и давились вопросом:

– Марго, зачем тебе это надо? Он, конечно, хороший парень, но ведь сопьется же!

– Без меня он пропадет совсем, – упрямо отвечала я. Хороший парень смотрел на меня глазами, полными безусловной, всепоглощающей, вечной, преданной и восторженной любви. Мне тогда еще не исполнилось и двадцати пяти, я была склонна романтизировать все. Даже пьянство. И потом, мне тогда казалось (и я это отчетливо помню), что я обязательно смогу его исцелить, спасти. Ради любви ко мне он сможет все! Просто человеку одиноко и, наверное, пережил он что-то такое... Мне нравилось, что меня так любят, с такой силой. И мне хотелось замуж. Замуж мне хотелось сильно, причем по нескольким причинам.

Во-первых, просто хотелось замуж. Все-таки возраст, тоже. У нас же принято высказывать замуж раньше, чем ты вообще поняла, зачем тебе это нужно. Просто замуж, не именно за Кешку. Я бы с гораздо большим удовольствием вышла замуж за Диму, например. С Димой у меня (ха-ха!) была Большая Любовь, не та, первая, из-за которой я в слезах и т. п., но все же Большая и Сильная, и имей он ко мне честные намерения, я бы в Кешкину сторону даже и не посмотрела. Но потом, когда Дима неожиданно (молодость-молодость) перекинулся на мою соседку по общежитию Альбину, я – из чистого противоречия – пару раз подала надежду его лучшему другу и просто хорошему, в общем-то, парню Кеше.

Кто бы мог подумать, что все так интересно закрутится! Но официально заявляю, когда мы с Кешкой женились, Дима

злился и исходил ядом ревности. Разве одно это не стоило замужества?

Во-вторых, мне совсем не хотелось после института возвращаться в свой родной Бердянск, где меня поджидали любимые родители, свежий воздух, теплое море и невыносимо тоскливая жизнь. Но оставаться в Москве с профессией «социолог», что в переводе на нормальный язык (особенно в те годы) означало «на фиг не нужный», было не с руки. А у Кешки была квартира, в которой можно было стать хозяйкой. Стало быть, в-третьих, как уже понятно, мне надо было закрепиться в столице.

И, в-четвертых, как это ни смешно, но в двадцать три года спасти кого-то от чего-то кажется ужасно заманчивым. И заслуживающим уважения. Это только потом ты понимаешь, что жить придется не с планами и мечтами, а с реальным живым человеком. Конкретно с Кешкой. Который в день свадьбы уснул в туалете. Просто расчувствовался, не рассчитал (с ним это вообще часто случалось), и вот результат: уснул прямо так, в смокинге и черной бабочке поверх изрядно заляпанной в процессе празднования белой рубашки.

Самым ужасным, как сейчас помню, было то, что именно Дима и вытаскивал Кешку из его сторожевой будки, где он предусмотрительно заперся от всех остальных гостей. Гости страдали и мучились от вполне определенных земных желаний. Туалет у нас был один. Чай, не баре. И на все вежливые стуки и просьбы Кешка мутно бормотал: «Сейчас, сейчас»,

а потом вообще скис и что-то тихо блеял.

– Так, народ, подвиньтесь! – скомандовал Дима, после чего он выломал замок, попробовал уговорить, но не уговорил своего лучшего друга оттуда выйти на своих ногах и вынес его, бесчувственного, на руках и торжественно водрузил на брачное ложе.

– Ну, как говорится, горько! – ехидно заметил он и оставил меня наедине с молодоженом. Именно тогда я поняла, что спасение утопающего будет не так уж романтично. И злая как черт, оставила утопающего утонуть в своих вертолетах, а сама пожала плечами и отбыла праздновать и любоваться кольцом. Танец новобрачных я танцевала с Димой (как бы в благодарность за совершенный подвиг). Мы, кстати, потом еще некоторое время встречались. Мое замужество сильно распалило его почти увядшие чувства.

Интересный факт, но со временем я поняла, что замужество, на самом деле, совсем не мешает личной жизни. Наоборот, скорее даже помогает. Мужчины с такой готовностью идут на сближение с окольцованной женщиной, что поневоле начинаешь чувствовать себя королевой. Еще бы: кругом полно молодых да свободных, а ты, хоть и не старая, и вообще очень даже ничего, и одета со вкусом, но ведь другому отдана и будешь век ему... Ну, не будем о грустном. Классик писал о другом времени, а современный мир имеет совсем другие нравы.

– Эх, если бы ты не была замужем, я бы... ух! – часто гово-

рили мне мужчины, которым удавалось добиться моей благосклонности. Это было непросто, но, положив руку на сердце, не так чтобы уж очень сложно. Рядом с Кешкой всегда было так тихо и холодно, что я бы просто окоченела, если бы не отогревалась время от времени в чьих-то теплых нежных руках. Думаю, что Кешка и сам это понимал и старательно ничего не замечал. Иногда то, как он умеет ничего не видеть и не понимать, возмущало даже меня.

– Неужели тебе не интересно, почему я пришла так поздно?

– Но ведь ты же предупредила, что задержишься.

– Но ведь я даже не сказала где! Где именно я задержусь и почему! А ты и не спрашивал.

– Что я, какой-то ревнивый дурак из Средневековья, что ли? Мы же современные люди, я понимаю, что всем нужна некоторая свобода.

– Да уж, свобода, – фыркала я, глядя, как он сидит около телевизора и молча потягивает пиво. Бесконечный поток пивных бутылок всех сортов и мастей. Удивляюсь только, как его многочисленные клиенты не жаловались на его состояние. Впрочем, нет, на работе он всегда держался. Имеется в виду не больше пары бутылок, да и те после обеда. А до обеда ни-ни.

Я уверена, что если бы Кешка все же нашел в себе силы бросить свой алкогольный марафон на длинные дистанции, мы бы вполне могли быть счастливы. Периодически (но не

реже раза в год) меня охватывало такое жгучее отчаяние и понимание всей бессмысленности нашего брака, что я начинала метаться и страдать, как птица в клетке. И кричать, и бить посуду, и взывать к Кешкиному разуму. Я просила его бросить пить, привести в порядок нашу жизнь, в конце концов, завести детей. Завести детей не получалось. Непонятно, почему. Врачи клялись и божились, что все у нас хорошо. Просили подождать, не думать о плохом, а Кешка говорил, что для него это вообще не важно. Что он хотел только меня в полумраке и тишине нашей спальни. Он был неутомим, он мог неистово заниматься со мной сексом, но никакие силы не заставили бы его со мной поговорить. И уж, конечно, никакие силы не могли заставить его бросить свою любимую... бутылку. Зато он вполне смог бросить меня.

– Ничего-ничего, – сказала я себе. – Пусть теперь она помучается. Пусть теперь она его потаскает до кровати, пусть постаскивает с него носки.

Не помня себя и никак не контролируя своего маршрута, я все же оказалась перед дверью своей квартиры, дрожащей рукой нащупала в сумке ключи и отперла эту дверь. Темнота рассеялась не сразу, и хотя так было всегда, я вдруг испугалась, сама не знаю чего. Я подумала, что теперь мне всегда вот так придется входить в свой дом, точно зная, что меня там никто не ждет. И не то чтобы я была так уж рада, когда Кешка оказывался дома и сидел, паялся там в свой ящик. И все же сейчас мне почему-то стало страшно оттого, что это-

го теперь не случится больше НИКОГДА. Я бросила сумку в прихожей и сразу, не снимая туфель, протопала в кухню и набрала мобильный номер Милы Градовой, Кешкиной помощницы и заместительницы по разного рода вопросам. У меня к ней как раз есть вопросы.

– Мила, это правда? – с места в карьер начала я.

– Что правда? – ледяным голосом переспросила она. Мила никогда не любила меня, считала зазнайкой, высокомерной стервой. Отчасти она была права. Нет, она была полностью права. И плевать на нее, я тоже никогда ее не любила. Кстати, очень может быть, что она даже немного влюблена в Кешку, так она ему предана. Как бы там ни было, мы часто виделись на всяких там вечеринках, она любила делать вид, что дружна со мной. Это лишний раз подчеркивало ее якобы близость, почти родственность к нашей прекрасной семье. Мы даже курили вместе на лестнице, сплетничали. Теперь она не отвертится, все мне выложит.

– Что у Кешки роман с кем-то?

– Если у Иннокентия Александровича с кем-то роман, как ты выражаешься, я этого в любом случае не буду обсуждать, – патетично ответила она. Но я отметила, что голос у нее дрожит. И что ей есть что мне сказать. И сказать это ей очень хочется. Люди всегда любят поговорить именно о том, о чем говорить нельзя.

– А что, может быть, у него роман с тобой? – предположила я, а про себя язвительно подумала: «Нет, это вряд ли.

Ты не в его вкусе». Он всегда проходил мимо коротеньких женственных особ с тяжелыми бедрами. Ему подавай что-то такое спортивное, порывистое, с длинными ногами, чуть мальчишеское, задорное. Иными словами, ему всегда хотелось только меня. Это была еще одна причина, почему я была почти уверена, что его новое увлечение – блажь и безумие. И что у него это обязательно пройдет.

– Как ты могла такое подумать! – возмутилась она, но от самого предположения о том, что это возможно (Кешкина страсть к ней, Милой Миле), воспарила и расцвела. Голос потеплел. – Да я, если хочешь знать, никогда в мыслях. Слушай, ты что, плачешь? Тебе плохо? Может, ты выпила?

– В общем-то, еще нет, но собираюсь. Скажи мне, с кем он, – настойчиво повторила я. – Ты ее знаешь?

– Я не понимаю, почему ты звонишь мне? – тихо прошипела в трубку она. – Если у тебя какие-то проблемы с мужем, ему и звони. Но если ты хочешь знать мое мнение, то это было неизбежно. Нельзя так обращаться с таким мужчиной!

– Много ты понимаешь, как надо обращаться с мужчинами. Много ты знаешь о Кешке! И мне плевать на твое мнение! – хотелось сказать мне, но я удержалась и заставила себя сказать:

– Просто так вышло. Я не думала, что все так получится. Я тоже переживаю, ведь я все-таки его жена и его люблю (вранье, вранье!).

– Он тоже тебя всегда так любил! И так страдал. Пожа-

луйста, не мучай ты его. Он так счастлив!

– С кем у него роман? – сжала зубы я. Терпения почти не оставалось. – Скажи мне, и я не буду тебе больше звонить. Пожалуйста, – я выдавила это с огромным трудом. Мне хотелось на нее наорать, еще лучше, схватить за волосы и бить о столешницу, пока она не перестанет пищать своим противным голосом. Но я сказала «пожалуйста» самым теплым и жалостливым тоном, на который только была способна. И старая сплетница Мила сломалась. Тем более у нее уже язык зачесался до дыр.

– Ее зовут Лера. Она... ну... просто менеджер. Их фирма закупала у нас экскаваторы для своей стройки.

– Давно? – тихо спросила я.

– Наверное, с полгода. Не понимаю, как ты могла допустить, чтобы он ушел. Он сказал, что ты его прогнала.

– Сколько ей лет? – перебила ее я. Совершенно случайно отметила, что намотала провод от домашнего телефона на палец так, что он посинел. Квартира у нас была съемная, и многие вещи в ней стояли с допотопных времен. И этот телефон, доисторический уродец с круглым циферблатом, который потрескивал, когда набирали цифры.

– Ну... я точно не знаю, – заколебалась Мила.

– Мила, сколько ей лет на вид? Она красива? У них это серьезно? – я старалась не упустить контакт. Второго разговора уже не будет, потому что уже через пять минут Мила пожалеет о том, что была столь откровенна со мной. Но пока

ей хочется говорить...

— Она нашего возраста, — доверительно сообщила мне Мила, хотя мне был всего тридцатник с небольшим, а ей уже глубоко за сорок. Интересно у нее с математикой дело обстоит! И что я должна понять? Моей конкурентке сколько? Мне что, искать среднее арифметическое?

— А как она, ну вообще?

— В принципе, ничего особенного. Хотя... наряжается все время. Каждый день разные наряды. Вчера пришла в рубашке с каким-то галстуком. Может, это и стильно, но выглядит так, будто она просто надела мужскую рубашку с мужским галстуком.

— Значит, ничего особенного? — еще раз уточнила я. Хорошо бы, чтобы она была вообще замухрышкой. Стерва!

— Ну не то чтобы уж совсем. И еще, знаешь... я даже не знаю, как сказать, — заюлила Мила перед тем, как сказать что-то самое вкусное. Тот самый десерт, который она оставила на потом, чтобы не спеша развернуть бумажку, прошуршать фантиком, вдохнуть восхитительный запах сладкого шоколада и только потом запихнуть все это себе в рот.

— Ну что ты тянешь кота за одно место! Они что, уже вместе живут?

— Да, — просто и легко сказала она.

— Даже так, — ахнула я и почувствовала, что мне становится трудно дышать.

— Но дело не в этом.

– Не в этом?

– Ты понимаешь, – затараторила она, – когда он впервые пришел к нам с этой своей Лерой, я, честно говоря, даже растерялась. Она, конечно, не такая симпатичная, как ты, но вообще-то она просто вылитая твоя копия. Не с лица, конечно. Хотя тип лица у нее такой же. И она тоже блондинка, только крашеная, потому что брови-то не спрячешь. И красить не будешь раз в месяц, если, конечно, не хочешь остаться совсем без бровей. В общем, она стояла спиной, и я подумала, что просто у тебя новый деловой костюм. Отличный костюм, кстати.

– И что? – тихо прошептала я.

– Ну, я ей и говорю, мол, Ритуля, как тебе этот костюм идет. Так фигуру подчеркивает! А она повернулась, взяла Кешу под руку... то есть Иннокентия Александровича, и мне говорит: меня зовут Валерия. И таким, знаешь, холодом на меня полыхнуло – я чуть не кончилась прям там. Думала, все.

– Что все-то? – на каком-то автопилоте ухмыльнулась я.

– Ну, что с работы меня Кеша теперь уволит. С тех пор я с ней стараюсь лишний раз и не пересечься – боюсь, съест. Говорю тебе – он ее выбрал, потому что она на тебя похожа. Но ты же не скажешь Иннокентию Александровичу, что я тебе все рассказала? – заволновалась она. Я кое-как заверила ее в своей способности хранить тайну. В результате Мила выгрузила на меня дополнительно, в качестве бонуса, что

Лера имеет сына десяти лет, еще по меньшей мере один брак за плечами и квартиру на Павелецкой, где и проживает сейчас мой разлюбленный Кешка. А также вышеупомянутая Лера, оказывается, имеет желание перейти из своей строительной конторы на работу к Кешке, чтобы (цитирую Милу) «он уж точно никуда не рыпнулся, а был на глазах целый день». Но пока ей это сделать не удалось.

– Ну и отлично, – жизнерадостно подвела итог я, повесив трубку. – Пусть она теперь с ним помается. Еще будет просить, чтобы обратно забрали, но не дождется. Она еще не знает, что за подарок у меня увела. Гадюка!

И я подставила к кухонному шкафчику табурет, чтобы достать сверху свою заначку – маленькую бутылочку ирландского ликера. Сладкого и липкого, но ужасно вкусного. Я потягивала ликер, смотрела телевизор, не особо понимая, что я, собственно, смотрю, храбрилась и распаляла себя, уверяя, что прекрасно проживу и без Кешки, что все будет просто изумительно. И что я выйду замуж, да еще за какого-нибудь принца на белом коне, которых вокруг меня всегда было полно. Правда, они в основном были людьми женатыми, но это же счастьем не помеха!

И только глубоко за полночь, выливая себе остатки белого вина, которое стояло в холодильнике исключительно для соусов, я подумала, что, в сущности, совершенно не представляю себе, каково это – жить без Кешки. Может, оно и здорово, но только я не помню – как? За почти десять-то лет,

видать, подзабыла. И последние три с лишним месяца не в счет — это было что-то вроде каникул, а ведь все понимают, что каникулы тем и хороши, что кончаются когда-то.

3

«Если голова болит – значит, она есть»

В жизни всегда есть место пофигизму. И если ты умеешь идти по жизни смеясь, то ничто и никто не сможет сбить тебя с этой удобной колеи. Говорят, когда разбивается сердце, самое тяжелое – это пережить первые недели. Время лечит, и надо сделать так, чтобы оно обязательно прошло.

Мне было совершенно легко. Я бы даже сказала, что мне вообще все было по фигу. По большому-большому барабану, в который стучал мерзкий ребенок-подросток моих соседей сверху. Он думал, что так проложит себе будущее в счастливом мире рок-звезд, полном женщин, наркотиков и беспредела. Но пока он только пробивал дыру в головах жителей нашего подъезда. В девятиэтажках звукоизоляция далека от совершенства. Так вот, я отвлеклась.

Не знаю почему, но я встала на следующее утро, выкинула в мусорный бак пустые бутылки и сказала себе: тебе, моя милая, абсолютно наплевать. Ты была с ним несчастлива, ты достойна большего. Тебе вообще повезло, что ты выбралась из этой трясины, куда тебя засасывало в течение десяти лет. Живи спокойной жизнью, и все будет хорошо. Сказала я себе и так и сделала. Я жила своей спокойной и безмятежной

жизнью, старательно подчеркивая на каждом углу, что мне **АБСОЛЮТНО НАПЛЕВАТЬ**.

В бухгалтерии, где я неторопливо трудилась, методично перекладывая стопки бумаг с места на место, все просто поражались моему стоическому спокойствию и готовности двигаться вперед.

– А как же деньги? – сразу же спросили меня девчонки из нашего маленького, но дружного коллектива. Вопрос был задан неслучайно, ибо фирма, для которой мы трудились, не покладая калькуляторов, платила нам зарплату из категории «на шпильки». Подразумевалось, что они набирают в отдел замужних дам, чтобы поменьше платить, а замужние дамы работают в строгом соответствии с получаемыми доходами. Наш главбух Раиса Львовна (доброго ей здоровьица) любила приговаривать, что при той зарплате, что нам тут платят, мы не только можем совершенно не работать, но даже и немножечко вредить. Так вот, про деньги. Вопрос не застал меня врасплох.

– Во-первых, я взрослая, самостоятельная женщина, – гордо заметила я, – и сама могу отвечать за себя.

– Да что ты! – с уважением кивнул коллектив, скрестив на всякий случай за спиной пальцы, чтобы и с ними не произошла эта напасть – отвечать за себя.

– Во-вторых, – обвела я их взглядом, – мир не без добрых мужчин.

– Это-то понятно, – выдохнули они, а я быстро добавила:

– И потом, у него же это не может быть серьезно. Перебесится.

– Детей вам надо было завести. Он бы точно никуда не прыгнул, – посочувствовала мне Раиса Львовна, взгромоздив свое объемное тело на мой хлипкий стол. В общем, меня все жалели и проявляли женскую солидарность. Все словно по команде перестали вспоминать, что это не он меня, а я его оставила прошлым маем, полная тоски и нетерпения. Это мне стало в очередной раз невыносимо жить под одним небом с ним, пусть даже он и десять раз клад. Это я лежала в объятиях другого, надеясь, что на этот раз я все-таки вырвалась из капкана моего счастливого со всех сторон брака, в котором наша нелюбовь и его пьянство были не больше чем мелкая рябь на воде во время штиля. И получается, что я все-таки добилась своего. Передо мной лежат все дороги и открываются все двери. Я свободная женщина – разве это не чудо?! Конечно, чудо! Так, значит, надо постараться полностью забыть и тот разговор в кафе, где все-таки именно Он бросает меня, и то, что я вообще в то кафе пошла, полная безысходной готовности снова с ним сойтись. И я забыла все, я предпочла думать, что, слава богу, наконец-то я смогу жить счастливо. Без Кешки, без него.

С первой серьезной проблемой я столкнулась примерно месяца через два, примерно в конце октября. Тепло корчилось в мучительной агонии, разметаемое всеми ветрами, становилось понятно, что дальше будет ноябрь, а вместе с ним

бесснежные холода и дожди, и снова московский мир станет окончательно серым. Я сидела у себя на работе, делала платежи и болтала по телефону со своей стародавней подружкой Анькой Виноградовой. До дня рождения ее мужа оставалось буквально пара недель, и я уже совсем было приготовилась услышать что-то вроде: «На день рожденья-то приедешь?» или как вариант: «Слушай, Виноградову подарок не покупай, мы ему собираем на магнитолу». Как вдруг услышала нечто неожиданное.

– Маргориточка, я прямо-таки в страшном затруднении. Муж тоже очень переживает, но ты пойми правильно. Мы потом соберемся и отметим. Посидим втроем, можно вообще в ресторан выбраться. Как ты считаешь?

– Ты о чем? – растерялась я. – Вы решили отмечать в ресторане? Круто по временам кризиса, не считаешь?

– Мы отмечаем на даче, – замороженным голосом возразила она. – Но ты же понимаешь, что Виноградов просто не мог не пригласить Кешку. Он же с Кешкой каждую неделю в бане и все такое. И потом, это же не мой день рождения, а его...

– Ты хочешь сказать, что там будет Кешка? – нахмурилась я. – И я должна буду с ним любезничать? В конце концов, он завел себе какую-то фифу, нет, это невозможно. А вдруг он придет с ней? Нет, я не готова.

– Вот и мы так решили, – с облегчением выдохнула Анька. – Зачем тебя травмировать? Лучше потом отдельно

встретимся, посидим...

– Так ты звонишь, чтобы сказать, что я не приглашена? – вдруг дошло до меня. – То есть он с этой... дрянью приглашен, а я – нет?

– Понимаешь, мне очень неудобно это говорить, но... Виноградов считает, что ты... что вы с Кешкой только портили друг другу жизнь. Он уверен, что Лера – это хороший шанс для Кеши, – аккуратно добавила она. Но я уже ее не слушала. Я была потрясена тем, что через пару недель на вечеринке наших старинных друзей, с которыми мы дружили много лет, за столом снова будет тихо напиваться хороший, в общем-то, парень Кешка, но вытаскивать его буду уже не я, а некая Лера. И что мои друзья в целом этот процесс смены пажеского караула одобряют и всецело поддерживают.

– А ничего, что ты – моя старинная подруга?

– Но это же его день, – жалобно повторила Аня. Я сжала зубы и поинтересовалась:

– То есть, когда будет день рождения у тебя, ты не пригласишь Кешку, а пригласишь меня?

– Ну... Марго, как это все сложно, – всхлипнула она. – Зачем ты вообще его отпустила? Он же тебя так любил!

Через некоторое время процесс разделения друзей на твоих, моих и наших пошел еще интенсивнее. Наших, то есть тех, кто оказался бы готовым поддерживать отношения с обеими сторонами баррикады, не оказалось совсем. Каждому пришлось делать выбор, и этот выбор, как правило, ока-

зывался не в мою пользу. Я просто поражалась, как многого я не знала о людях, с которыми дружила много лет. Которые улыбались мне, которые говорили о том, как Кешке со мной повезло и какая у него шикарная жена. Друзья, многие из которых восхищались мной настолько, что не постеснялись переспать со мной, несмотря на их чудесную дружбу с Кешкой. Мне так и хотелось спросить Виноградова:

– Если ты так жалел Кешку, так сочувствовал ему по-мужски из-за того, что у него такая неверная жена, что ж сам-то в свое время жарко обнимал меня, срывая с меня одежду, и вытворял такое, от чего бы твоя Аня, которая сидела дома с первым ребенком, упала бы в обморок?

– Извини, Марго, но Виноградов считает, что ты сама во всем виновата. Не надо было Кеше изменять, – однажды набралась решимости и выпалила мне в трубку Аня, а я промолчала. Я просто уже отказывалась что-либо понимать. Все они спокойно закрывали глаза на все то, что делалось тихо, тайком. Даже если я занималась тем самым с ними же. И все они теперь не без удовольствия клеймили меня позором в своих кругах, видимо, за то, что я имела наглость произнести что-то вслух. Теперь все и каждый припоминали мне мою Большую Любовь. Я ведь ушла от Кешки, потому что думала, что влюбилась. Вот любви-то у нас как раз и не прощают.

Как будто Мамай прошелся по нашему кругу, и оказалось, что моих-то друзей, собственно, кот наплакал. Причем разделение произошло презабавнейшее: ему, Кешке, достались

самые старинные, самые семейные наши друзья, с которыми мы постоянно праздновали разнообразные даты, угощали друг друга шашлыками, даже организовывали совместные туры в Турцию и Европу. Мне же остался в основном новодел: подружки с работы, подружки с форумов и еще подружки из моего родного Бердянска, с которыми я иногда поддерживала связь. Причем парадокс – все, кто достался мне, были практически поголовно не замужем. Все, с кем теперь дружил Кешка, были женаты.

Иными словами, вся мужская половина наших общих друзей приняла сторону Кешки, осудив мои реальные и мнимые грехи и захлопнув передо мной двери. Стоило ли говорить, что Анькиного приглашения на ее день рождения я так и не дождалась, эта тема была тактично обойдена молчанием, а со временем наши созвоны становились все более редкими и короткими. Анька старательно делала вид, что рада меня слышать, но сама, поневоле или сознательно, все больше склонялась к мнению своего мужа, что я мерзавка и всю жизнь Кешке испортила, слава богу, что он меня все-таки бросил. Ай, молодец!

Я держалась огурчиком примерно до Нового года. Я вела активную и очень насыщенную жизнь. Работа (на первом месте только в списке, но не в жизни), подруги и перекуры, личная жизнь, шопинг – этот американский вид спорта. Мое материальное положение ухудшилось, так что теперь мне приходилось выискивать тряпки с большими скидками. Купить,

как раньше, любое платье просто потому, что оно мне понравилось, я теперь не могла. Да, без Кешки было сложно. Но я всерьез думала, что все это пройдет, закончится. Все вернется на свои места, и Кешка поймет, что подделка под меня никогда не сможет заменить саму меня. Это было очевидно, это было неизбежно. Для меня по крайней мере. Ведь на самом-то деле он всегда любил и любит только меня! И я знала, что если мы с ним все-таки сойдемся снова, все наши друзья проглотят все свои мнения (чтоб они подавились) и снова будут кричать, какая мы чудесная пара. Был еще один важный момент, за который я цеплялась, как матрос за бортом цепляется за обломок бревна. Кешка все еще продолжал платить за нашу квартиру. Зачем бы ему это делать, если он не планирует туда вернуться?

И я не то чтобы ждала его возвращения. Даже не то чтобы хотела этого, ведь и слепому видно, что с Кешкой я была не очень-то счастлива. Просто прошлое легкое несчастье было все-таки более терпимо, чем вот такое полное одиночество. Нет, я не была одна. Такие женщины, как я, могут в любую минуту организовать себе компанию. У меня всегда была очень насыщенная личная жизнь. И теперь у меня имелась в заглазнике пара друзей-мужчин, которые всегда были готовы бросить дом и семью, чтобы примчаться ко мне и починить кран, который течет. Не просто так, а за любовь, конечно. Мужчины вообще-то редко что-то делают просто так. Нет, я не была одна, но я была одинока. Даже когда лежала

в объятиях какого-нибудь мужчины. Сегодня это был Виктор (женат, двое детей, живет в Бутово, не любит заниматься сексом с женой, говорит, что я – его женский идеал). Я сама его позвала, позвонила после обеда и попросила заехать за мной после работы. Я просто не могла сегодня вечером оставаться одна.

– Знаешь, Марго, ты все-таки чудесная, – нежно шептал мне на ухо Виктор, лежа со мной в нашей с Кешкой постели. Он сонно гладил мои плечи, а я лежала и думала, что почему-то совсем, совсем ничего не чувствую. – Никто на свете меня не понимает лучше, чем ты.

– Может быть, нам стоило бы быть вместе? – поинтересовалась я. – Раз уж я оставила мужа и теперь свободна...

– Да! Ты права, конечно, – засуетился он, моментально сбросив остатки сна. – Но я не могу вот так вот просто бросить детей. Они же ни в чем не виноваты, правда?

– Это верно. То есть если бы не дети, то ты бы ушел ко мне?

– Хотя сейчас, – с готовностью кивнул он, ничем не рискуя. А я подумала, что мой Кешка жил со мной только ради меня. Потому что он очень сильно меня любил.

– И ты живешь с женой только из-за детей? А спишь со мной. Это нормально. Это твоим детям не вредит. И ты не думаешь, что измена жене – это нехорошо?

– Что с тобой такое? – нахмурился он.

– Все мои бывшие друзья считают, что я просто негодяй-

ка, которая изломала жизнь хорошему парню. Вот я и пытаюсь узнать, а что ты об этом думаешь. Особенно лежа в моей постели?

– Что-то ты злая какая-то, – обиделся Виктор.

– Знаешь что – тебе пора уезжать. Ты не звони мне больше, ладно? – я кинула ему его смятые вещи и вышла в кухню. Я слышала, как Виктор что-то роняет на пол, как он проходит мимо меня в кухню, чтобы забрать свой кейс. Его лицо было красным от злости: он отпросился с работы, долго и изворотливо врал жене что-то про срочную встречу, планировал долгий вечер, но он сорвался. Я просто не могла больше его видеть. Мне надо было срочно подумать.

– Какая муха тебя укусила? – на прощание спросил он.

– Муха по имени Павел, – задумчиво протянула я и захлопнула дверь даже чуть раньше, чем Виктор от нее отошел. И моментально забыла о нем. Осталось только легкое брезгливое сожаление, что он вообще был здесь. Особенно в моей постели. Но все это было неважно, потому что сегодня утром, примерно около десяти или чуть позже, мне позвонил некий Павел и сказал, что ему надо обсудить со мной все обстоятельства моего замужества.

– В каком смысле – замужества? – переспросила я.

– Вернее, детали вашего развода, – любезно разъяснил он.

– Какого развода? Я не собираюсь разводиться! Я не понимаю, вы вообще кто? – задержалась я. Слово «развод» я слышала впервые, и оно мне не понравилось.

– Меня зовут Павел, – терпеливо повторил он. – Я адвокат. Меня нанял ваш бывший муж, чтобы оформить ваш развод официально. Ваше свидетельство о браке у вас?

– Что? – тупила я. – Какое свидетельство?

– Послушайте, может быть, нам лучше встретиться и все обсудить?

– С кем? С вами? – удивилась я. – Это что, голливудский фильм? Если мой муж хочет что-то со мной обсудить, он легко может набрать мой номер и поговорить со мной лично.

– Нет, не может. И не будет, – уже жестче добавил Павел. – Напомню, что именно вы явились инициатором разрыва. У него есть к вам ряд предложений, но встречаться с вами он не будет.

– Предложений? – опешила я. Какие могут быть предложения, если речь идет о разводе.

– Вы все-таки не хотите встретиться? По телефону все это обсуждать не очень удобно.

– Я *с вами* лично встречаться не собираюсь. Говорите, что он там хочет, прямо сейчас. Я разводиться не хочу.

– В этом-то все и дело. Развод у нас в стране – дело очень простое, не требующее вашего согласия. Два заседания суда – и вы будете разведены. Точно, понимаете? Совершенно точно будете разведены. Максимум три месяца, и все будет кончено.

– Ну так вперед! – холодно подбодрила его я. – Что вам от меня-то нужно?

– Дело в том, что у Иннокентия Александровича есть определенная необходимость получить развод прямо сейчас.

– Да что вы? Зачем? Он что, боится передумать?

– Есть определенные аргументы, я не уполномочен о них говорить, – уперся Павел. – Но зато я уполномочен поговорить о финансовой стороне вопроса. Может быть, вы не знаете, но официальным путем вы можете ничего не получить.

– Это почему? – удивилась я, раньше я об этом не задумывалась.

– Потому что фирма Иннокентия Александровича формально ему не принадлежит. Совместного имущества у вас нет. Даже машины нет. Так что... разведетесь просто так – и все. А вам ведь за квартиру платить, жить на что-то надо. Вы подумайте, подумайте. Трезвой головой. Это хорошее предложение. Мы все устроим, в загсе у нас есть знакомые, они оформят заявку задним числом. Одна подпись – и все. Результат будет тот же самый, зато мы вам заплатим... пять тысяч долларов. Сможете поддерживать себя какое-то время.

– А если я откажусь? – прошептала я. Все было так быстро, так жестоко и нелепо. Какой-то адвокат, какие-то пять тысяч долларов. Кошмар, почему Кешка не позвонил мне сам? Как он мог? Он же меня любит! Меня!

– Тогда мы смиримся с тем, что надо подождать три месяца. Наши аргументы кончатся, но тогда... уже через неделю вы будете должны сами заплатить за квартиру.

– Это он вам сказал про квартиру? – дернулась я. Мне ка-

залось, что Кешка платит за квартиру, потому что все еще думает туда вернуться. Его рубашки висят в шкафу. Его коллекция маленьких машинок в серванте. Его обувь, его запахи. Прошло всего четыре месяца с того разговора, и он нанял адвоката?

– Ну, посмотрите на это с другой стороны. Зачем вам встречать Новый год с долгами? Соглашайтесь. Все равно это самый выгодный вариант.

– Мне надо подумать, – еле выдавила я и хотела повесить трубку, но нудный Павел продиктовал мне свои телефоны на случай, если я надумаю.

– Времени немного. Думайте быстрее. Нам нужно срочно. Или... давайте-ка я лучше завтра сам позвоню. Ладно? Часиков в десять утра не рано будет?

– Не рано, – после минутной паузы ответила я. А потом, после, я позвонила Виктору и потребовала, приказала забрать меня с работы. Мне хотелось забыться, отвлечься. Как-то почувствовать себя снова желанной, любимой. Но ничего не получилось, и в его жадных руках я почувствовала себя безвольной куклой, мертвым телом. Я просто не могла поверить, что после десяти лет страсти, мучительных чувств, взаимных упреков и всей нашей жизни, до краев наполненной бесконечной, жгучей любовью Кешки – после всех этих мук он просто нанял адвоката и требует развода. Разве мог он вот так, в один момент, наплевать на меня?! Разве такое бывает?

Самое ужасное, что я точно знала, что бывает. Любовь проходит, не сразу, не в один день, конечно, но постепенно она исчезает из человека по капле. Когда-то я ведь тоже любила. Да, по молодости, да, по глупости. Но чувство было. И я еще могу вспомнить, как бывает больно, когда от тебя уходят! Может быть, и с Кешкой произошло что-то подобное, когда я ушла? В очередной раз.

– Но он же всегда меня возвращал! – ответила я себе.

– Не в этот раз, дорогая. Все кончено. Все кончено.

«Проблемы негров шерифа не волнуют»

Мы не виделись с ним давно, если не считать нашей короткой содержательной встречи в кафе. Восемь месяцев одиночества, к которому я все еще никак не могла привыкнуть до конца и которое не могли скрасить ни Виктор, ни другие ему подобные из отряда «мужей гуляющих». Женатые мужчины, полные ко мне пылких чувств, вдруг стали вызывать во мне аллергию. Когда я слышала от них «как же я тебя люблю, Марго», я начинала непроизвольно чесаться и чихать. Мне не давал жить спокойно один вопрос: как так могло получиться? И я хотела только одного – Кешку. Если бы меня спросили, зачем, я бы вряд ли ответила. Ни дня с Кешкой я не чувствовала себя счастливой. Но на свете есть не только счастье. Я не была счастливой, но зато чувствовала себя очень нужной и не просто любимой, а необходимой как воздух. Это чувство наполняло меня не счастьем, но покоем и уверенностью в себе. Моя жизнь была наполнена смыслом, пусть даже эта жизнь и была невыносима. Я была женщиной, которую любят, которую обожают, которую нервно, порывисто обнимают и прижимают к себе даже в самом глубоком сне, даже в посталкогольном бреду. Кешка вцеплялся в ме-

ня так, словно боялся, что если разжать эти тиски, я моментально исчезну. Испарюсь. И пусть мне совсем не нравились эти объятия, оказалось, что теперь – без них – я чувствую себя голой и невыносимо пустой.

Именно поэтому я и согласилась на этот быстрый и платный развод. Чтобы увидеть его, моего Кешку, посмотреть ему в глаза в больших смешных очках. Без них он был слеп как крот. Без меня – тоже. Мне до конца не верилось, что все это всерьез. Неужели же он придет и своей рукой разорвет ту связь, без которой он не мог жить, не мог дышать. Ради которой он всегда прощал совершенно все. И еще денег мне даст за то, чтобы я ему не мешала меня терять. Не может быть. Только не он.

– Ты завтра вообще на работе будешь? – спросила меня Раиса Львовна. – Или тебе дать отгул на весь день?

– Я даже не знаю, – протянула я, смутившись. В нашем теплом коллективе мне бы обязательно оказали моральную поддержку, но именно поэтому я вообще не сказала, что завтра у меня развод, а сослалась на кое-какую бумажную загвоздку, которую нам с Кешкой надо решить в ЖЭКе. – Вряд ли я быстро освобожусь. Знаешь, какие там очереди.

– Не рассказывай мне про очереди, – фыркнула Раиса. – Мне тут пришлось сверку в налоговую возить, так в тамошней очереди можно прожить жизнь, родить детей и внуков, поседеть и сгинуть. И все за один рабочий день.

– Как сверка?

– Понятия не имею. Теперь все через одно место. Сдаешь в окошко, инспектора не видишь. Да и не очень-то и хотелось. Просто вопрос: если они потеряли бумажку, почему я должна терять несколько часов своей жизни. Лучше бы я маникюр сделала. Еще смотрят так, словно я у них пришла одолжения просить. Высшая каста, твою мать!

– Так дашь отгул-то? – аккуратно уточнила я, потому что Райкины выступления по поводу беспредела можно было слушать часами. Они были справедливы, они были бесконечны. Под куполом нашего цирка в рамках одной бухгалтерии обслуживалось несколько разных юридических лиц, связанных между собой цепью учредителей и единой многосторонней производственной деятельностью. Так что очередей и проблем с налоговой у нас хватало.

– Дам, черт с тобой. Только потом с тебя причитается. Новый год на носу, – согласилась она и отвернулась, продолжая что-то бурчать про наши вечные жэки-шмеки и про то, что креста на нас нет. Бедная она, бедная, ведь сколько ни ори на весь наш курятник, отвечать-то все равно ей. Ей бы отпуск взять, поваляться на пляже, попить соку свежавыжатого из морковки, приобрести нормальный человеческий цвет лица, а она сидит в офисе чуть ли не круглые сутки. Бледнеет на глазах. Еще бы, что с нас взять? Что мы понимаем? Чем у нас только голова набита? Впрочем, головы наши были набиты именно тем, чем надо, и весь подчиненный ей отдел (в меру усердия) всем своим огромным составом сидел верхом

на калькуляторах и целыми днями стягивал дебет с кредитом, невзирая на несознательность и вопиющее упрямство оных. Не желали наши счета сходиться. Постоянно терялись или вовсе исчезали в тартарары счета-фактуры и накладные. А ведь не за горами конец года, лихие праздники, а дальше сдача годового отчета, будь он неладен. А сведение годового отчета по сути своей напоминает снятие/наведение порчи. Никто не знает, сработает или нет, но надеяться, кроме как на чудо, больше не на что.

– Спасибо, – кивнула я, продумывая про себя, что именно надо завтра с утра надеть, чтобы Кешка просто не смог от меня глаз оторвать. Последний бой – он трудный самый, поэтому патронов не жалеть. В ход идут и платье с декольте, и туфли на шпильке с Останкинскую башню (Кешка в этом случае будет мне примерно по плечо, что ему лично всегда очень нравилось), и яркий макияж. Основной упор на мои прекрасные серые глаза, глубокие, с поволокой. Жаль, что волосы у меня короткие, было бы шикарно еще махнуть копной блестящих густых волос (как в рекламе). Ну да ничего. И так пробьемся, с божьей помощью.

Наутро я встала разбитая, потому что как ни старалась, но практически так и не смогла уснуть. Хотя начиналось все за здоровье. Я решила, что мне обязательно надо выспаться, чтобы завтра не было мешков под глазами. Я приняла ванну, выпила чашечку ароматного зеленого чая, ощущая себя так, словно я собираюсь не на развод, а на свидание. Я по-

смотрела немного телевизор, какое-то туповатое политическое шоу, где лысый здоровяк приятной наружности весело призывал всех принять закон, чтобы всех наших преступников, приговоренных к высшей мере наказания, не расстреливать понапрасну, а разрезать потихонечку на органы, потому что в мире большой дефицит этих самых органов. А им – преступникам – они совсем уже ни к чему. Меня передернуло. Я вспомнила что-то из истории Средних веков, когда вора за кражу куска хлеба руки отрубали. Симпатичное у нас будет общество, если дать волю вот таким вот лысеньким здоровячкам-фашисткам. Я выключила телевизор и закрыла глаза.

Может быть, из-за этого, а может, из-за того, что я принимала слишком уж горячую ванну, в голову полезли какие-то совсем не те мысли. Вместо того чтобы спать-дремать да красоты набираться, я вдруг открыла глаза и отчетливо так подумала:

– Завтра у тебя развод. Завтра ты станешь разведенной женщиной.

– НЕТ! – дернулось в ответ мое подсознание и забилось в конвульсиях. Оно, подсознание, было совершенно не готово к такому повороту событий. Оно вообще-то сильно возражало. И достало из глубин моей памяти одно воспоминание, которое лежало и пылилось там, забытое и никому не нужное, долгие-долгие годы. Почти десять лет прошло с тех пор.

Мы с Кешкой тогда были женаты больше полугода. Я уже

успела наиграться в маленькую хозяйку маленькой однушки в Тушино, я уже набила оскомину напоминаниями Кешке не разбрасывать рубашки и носки по комнате, уже успела переприглашать к нам в гости всех своих подружек – словом, выполнила весь тот объем нелепых и бессмысленных ритуалов, ради которых, собственно, я и вышла замуж. Я не работала, мой диплом пылился в шкафу, а мои родители намекали, что неплохо бы подумать о внуках. Кешка, воодушевленный новыми временами, от которых веяло свободой и безграничными возможностями, только начал затевать какой-то бизнес.

– Зачем ты так много работаешь? – удивлялась я, глядя на то, с какой жадностью Кешка хватается за любой контракт. Сидит допоздна в офисе у метро «Ботанический сад» (три комнаты при овощном складе), пьет с какими-то нужными людьми, молчит, что-то там себе думает.

– Я же должен обеспечить своей обожаемой принцессе достойное существование, – говорил он мне. – Это все ради тебя. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

И он дарил мне тогда совершенно фантастические подарки. Однажды он пришел очень поздно, почти в час ночи, но даже не слишком пьяным, а, наоборот, каким-то лихим и перевозбужденным. Разбудил меня, не обратил внимание на мою ругань, вручил конверт, в котором содержались две путевки в Италию, а потом раздел меня и овладел мной. Именно тогда я с какой-то ужасающей ясностью поняла, что ничего у нас с ним не получится.

Через несколько дней, пока он суетился, готовил все необходимое, чтобы лететь в эту самую Италию, я сидела над грудой каких-то платьев, перебирала их, перекладывала из стороны в сторону и чувствовала невыносимую усталость и нежелание шевелить даже кончиками пальцев.

– Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь? – забеспокоился он.

– Кеша, нам надо серьезно поговорить.

– О чем? – нахмурился он.

– Мы... нет, я... я совершила ошибку.

– Ошибку? Ты что, во что-то вляпалась? Я чего-то не знаю? – спрашивал он, пока я собиралась с силами, чтобы сказать то, что должна была сказать.

– Нет, не вляпалась.

– Ничего, мы все исправим. Скажи только, в чем проблема. Ты же знаешь, я все улажу, я...

– Кеша, я тебя не люблю.

– ...

– Я тебя не люблю и никогда не любила. Это была моя ошибка, не надо было мне выходить за тебя замуж.

– У тебя что, появился другой? – побледнел Кешка и сел рядом. Я старалась не смотреть на него, все время цеплялась взглядом за штору, которая оборвалась с одного конца. Я смотрела и смотрела на эту оборванную штору и думала, что теперь это уже не моя проблема – как ее поправлять. Уже не мне придется искать стремянку или ставить табуретку на

стол и лезть на эту верхотуру... – Ты меня слышишь?

– А ты меня? Слышишь? Я не люблю тебя! Все кончено! Я уйду!

– А как же Италия? – растерянно спросил он.

– Съезди сам.

– Это... это невозможно, – сказал он и вдруг твердо, даже слишком, схватил меня за руку. – У тебя что, есть кто-то другой?

– Никого у меня нет, – помотала головой я.

– Наверняка кто-то у тебя появился. Тебе просто скучно. Конечно, ты же сидишь дома целыми днями, делать тебе нечего. Такая женщина не должна скучать.

– Я не скучаю, – крикнула я. – Я тебя не люблю.

– Нет, это не то, – он говорил тогда будто сам с собой. – Это ерунда. Я знаю, тебе просто кто-то понравился. Ты себе придумала сказку про большую любовь. Но я тебя не отпускаю, не думай.

– Что значит не отпустишь? – возмутилась я. – Тебе что, все равно, что я тебя не люблю?

– Мне достаточно того, что я тебя люблю, – сказал он. – Я буду любить тебя за нас двоих. Ты, конечно же, можешь уйти, но знай, что никто и никогда не будет любить тебя так, как я. И я все сделаю для тебя.

– Это глупость какая-то! Я не могу быть с тобой. Я просто не могу, честно, я пробовала, но это невыносимо. Я рано или поздно все равно от тебя уйду.

– Пусть это будет поздно. Ладно? Ты только не принимай сейчас никаких окончательных решений, ладно, малыш? А знаешь, что. Ты поезжай-ка в Италию сама. Отдохни, развейся, посмотри красивые места. Я не буду тебе мешать, а потом, когда ты приедешь, мы обо всем поговорим. Я только хочу, чтобы ты была счастлива.

Он просчитал все достаточно точно. Когда я вернулась из Италии, счастливая, пропитанная солнцем и красотой, он, Кешка, показался мне таким родным, таким хорошим, понимающим и любимым, что я даже и не вспомнила, что еще три недели назад я собиралась уходить от него навсегда. Да и куда уходить? Уезжать в Бердянск, к маме? Там, в Италии, за мной очень красиво ухаживал один жгучий брюнет. А здесь Кешка старательно показывает, что ему нет никакого дела до того, изменила я ему или нет.

– Главное, чтобы ты была со мной, – сказал он и тем самым захлопнул капкан, в котором я провела почти десять лет. Я зашла в эту камеру в двадцать три, а вышла в тридцать три. И только сейчас поняла, что десяти лет моей жизни не стало. Я заснула только под утро, выкурив все сигареты в доме и выпив несколько снотворных таблеток. Наутро мне не только разводиться, мне не хотелось даже вставать.

В Тушинском загсе все совсем не изменилось с того момента, когда я входила сюда в белоснежном платье. Все те же мраморные стены, все те же лица, им под стать, полные женщины в возрасте, сотрудницы загса, с одинаковым равноду-

шим относятся ко всем актам регистрации: к бракосочетаниям, к разводам, к рождениям, к смертям, к сменам фамилий.

– Вы по какому вопросу? – спросил меня охранник за столиком, любезно улыбаясь.

– По вопросу развода, – я все-таки заставила себя это выговорить. К утру я уже пришла к выводу, что все-таки это очень хорошо, что Кешка решил меня отпустить. Мне больно, обидно, но я большая девочка и справлюсь с этим. А вот жить мне с ним не придется. Это большой плюс.

– Вам направо по коридору, – кивнул он, но я и сама уже увидела в глубине холла смешного толстенького человечка с большим кожаным портфелем в руках, а рядом с ним стоял, задумчиво рассматривая потолок, мой Кешка. Вот черт, он выглядел просто прекрасно. Можно сказать, он выглядел так впервые в жизни. Так он не выглядел никогда, хотя при этом он был одет довольно просто. Вельветовые джинсы светло-бежевого оттенка, какая-то рубашка-поло, новые очки в совсем другой оправе. Они ему очень даже шли, придавали какой-то загадочности. И новая прическа. Сколько лет я знала Кешку, он всегда носил одни и те же прически, ходил немного взлохмаченным, постоянно поправлял челку. Теперь же у него волосы были сострижены практически в ноль, оставляя только легкое воспоминание о волосах, сантиметр, не больше. Но ему, как ни странно, было так очень хорошо.

– Маргарита? – как и всегда, спросил он, словно не был уверен в своих глазах.

– Привет, – я постаралась говорить как можно легче и свободнее. – Ты сменил имидж?

– Есть немного, – кивнул он, а я отметила, что у него на запястье появились новые часы, очень дорогие. И вообще, среди вещей, надетых на него, не было ни одной из нашего с ним, так сказать, гардероба. Все новое, все дорогое. И все явно тщательно подбиралось.

– Ты прекрасно выглядишь.

– Ты тоже, – дежурно ответил он, с нетерпением глядя на дверь в какой-то кабинет.

– Это там нас разведут? – не сдержалась и довольно жестко спросила я.

– Да, Марго. И я очень благодарен тебе, что ты пошла мне навстречу. Я боялся, что может быть осложнение.

– Значит, ты теперь считаешь, что жизнь со мной – это просто осложнение? – едким тоном удивилась я.

– Согласись, это была не самая счастливая жизнь, – с досадой пробормотал он. Видимо, говорить со мной он совсем не хотел. Все это так меня потрясло, что я расправила плечи, ухмыльнулась и спросила:

– Ну, а что деньги? Ты привез? Ты же ведь понимаешь, что за свободу надо платить?

– Павел, извините, можно вас на минуточку, – обратился он к толстячку, имея при этом вид ученика, который спра-

шивает у учителя, как лучше решать задачку. – Нам деньги как передать – так или под расписку?

– Ты что, собираешься взять с меня расписку? – открыла рот я. – Ты что, думаешь, что я могу тебя обмануть? Убежать из загса и не развестись с тобой?

– Марго, не начинай, – поморщился он. – Расписки – это нормальная практика. Никто не хотел тебя обидеть.

– Знаешь, а ведь ты совсем на себя не похож, – заметила я, – ты никогда таким не был.

– Дорофеевы? Пройдите в кабинет, – крикнула какая-то тетка из-за двери. Мы дернулись, и наши взгляды на секунду соприкоснулись. И меня обожгла мысль, что это и есть какой-то другой человек, совсем другой, у которого с тем, который был со мной, который любил меня, ничего общего. Кроме, разве что, немного потерянного, рассеянного взгляда маленького потерявшегося ребенка. И этому, новому ему, нет до меня никакого дела. Его не волнует то, что я чувствую, переживаю ли я. Счастлива ли я – ему все равно.

– Ну, пойдемте, – поторопил нас его адвокат.

– А вы, значит, Павел? – поинтересовалась я.

– Просто потом они могут уйти чай пить, и нам придется ждать очень долго, – в нетерпении завертелся он.

– Идемте, – фыркнула я и зашла в кабинет. – Где тут подписать?

– Давайте ваши паспорта, пожалуйста, – проскрежетала тетка, недовольная моим своеволием. Все должно идти по

ранжирчику, по порядку. Не надо торопить события. – Давайте ваше свидетельство о браке.

...Я не отрываясь смотрела на Кешку. Он был словно неизвестный мне зверь, о котором я думала, что он домашний, безопасный, типа котенка, а он вдруг оказался совершенно диким и теперь норовит меня сожрать.

– Марго.

– Что?

– Оно у тебя, – кивнул Кешка. – Свидетельство. Ты должна была принести. – В глазах у него отчетливо читалась паника.

– Да вот оно, не беспокойся, – я улыбнулась одними губами и выложила зеленую корочку на стол.

– Отлично, – кивнула тетка. – Квитанцию?

– У нас все оплачено, – суетливо подбежал толстяк Павел и, порывшись в своем увесистом портфеле, извлек квитки.

– Какой сервис, – улыбнулась я. – Кешка, а куда ты так спешишь? На пожар? Не мог со мной по-человечески, без адвоката поговорить?

– Какие фамилии будете брать после развода? – поинтересовалась она, поставив меня тем самым в полнейший тупик. Я столько лет была Дорофеевой, что теперь даже не могла понять, о чем она вообще спрашивает.

– В каком смысле?

– Ну, ты будешь потом менять паспорт и все документы? – нахмурился Кешка.

– А надо? – растерялась я. Нет, правда, совсем растерялась, потому что этот, в общем-то, важный вопрос не был обдуман мною совершенно. И теперь я не была готова на него ответить.

– Как ты считаешь, это будет легко, если у нас прописка в нашем Кукуево Московской области, в хибаре? Все поменять? Туда надо будет ездить, надо будет там такси брать. Оно тебе надо?

– Мне нет, – согласилась я.

– Вот и славно, – выдохнул Кешка и ответил тетке: – Мы фамилии оставляем.

– Нет, – вдруг выдохнула я. – Я буду менять.

– Что? Ты что, не поняла? Это же такая возня! – развел руками он.

– А я не хочу оставлять себе твою фамилию. Я хочу, чтобы мне ничего о тебе не напоминало, – уперлась я. И с торжеством увидела, что впервые за весь этот час Кешка дрогнул. И в глазах у него появилось то самое выражение боли, которое я так хорошо знала.

– Распишитесь здесь и здесь, – скомандовала тетка, закатив глаза. Видимо, не впервые ей видеть склоки при разводах. Смешно то, что до них она же эти самые пары и женит!

– Вот здесь? – переспросила я, все так же глядя на мужа. Я расписалась, положила ручку и спросила: – Ты доволен?

– Да, Марго, спасибо, – сухо ответил он, явно не справляясь с эмоциями. Я горько усмехнулась и пошла к выходу.

– Подождите, – возмутилась тетка. – Это еще не все!

– Да? А что мы забыли? Поцелуй как при свадьбе? – злобно спросила я.

– Вот ваши свидетельства, – фыркнув, тетка протянула нам два зеленых листка. Я с недоумением посмотрела на нее.

– Какие свидетельства? У меня было только одно.

– Ну, ваши же свидетельства о разводе. То ваше свидетельство теперь недействительно, – устало вздохнула она. Ей явно уже хотелось уйти пить чай с каким-нибудь печеньем курабье или даже с кусочком тортика, которые всегда есть в избытке в таких местах. Особенно сейчас, перед Новым годом. Дарят клиенты. Не разводящиеся, конечно, а брачующиеся.

– А-а, понятно, – я протянула руку и взяла бумажку. Наверху большими черными буквами было написано **«СВИДЕТЕЛЬСТВО О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА»**. Я вздрогнула и выронила ее, а Кешка бросился ко мне и ее поднял.

– Ты в порядке? – испуганно спросил он.

– Нет, Кеша. Я не в порядке, – ответила я, выходя из двери. – Но теперь это уже не твои проблемы.

– Подожди, – он кинулся за мной. – А деньги?

– Ты думаешь, они мне чем-то помогут? Ты думаешь, я из-за этого сюда пришла? Я хотела посмотреть, как ты оставишь меня после всех этих лет, всех этих криков «я тебя люблю». Зачем ты меня держал? Я бы, может, уже была бы счастлива! Почему ты не дал мне уйти тогда? Зачем отправил в эту

чертову Италию, ведь я тебе прямым текстом сказала, что ты мне не нужен. Ты должен был дать мне уйти!

– Ты права, – сказал он, потупив глаза. Его руки сами собой сунули мне в сумку конверт, Кеша повернулся и вышел из загса. Павел посеменил вслед за ним, а я осталась стоять на месте, держа в руках свое свидетельство о разводе. Десять лет моей жизни были выброшены на помойку, и между прочим, государственная служащая дала мне официальное подтверждение этого факта.

«Russian Vodka – connecting people»¹

Новый год надо встречать так, чтобы потом не было мучительно больно за бездарно потраченные выходные. Развод – еще не конец света, хотя мне в первые дни именно так и казалось. Странно, но иногда именно то, что мы не любим, отчего, как нам кажется, мы страдаем больше всего, нам нужно до зарезу. Просто необходимо. Всякой твари хочется, чтобы ее любили. И иногда мы соглашаемся, чтобы нас любили даже те, кого мы сами не любим совершенно.

Но я решила выкинуть все это из головы. Благодаря связям Кешкиного Павла нас развели буквально накануне Нового года, в последние рабочие дни. И в новый год я входила в обществе трех подруг и абсолютной свободы. Первые две подруги были с работы. Зинуля переживала за меня как за родную сестру, так как сама в свое время прошла все ужасы бракоразводного процесса. Вероника развода не переживала, как, впрочем, и бракосочетания. Ни первое, ни второе в ее жизни не сложилось в силу тихости характера и невыразительности лица. Зато душевности в ней хватило бы на пятерых, и если бы хоть один мужик дал себе труд взглядеться сквозь ее простоватые черты, он бы не отошел от нее ни на

¹ Русская водка соединяет людей (англ.).

шаг. Я бы, во всяком случае, если бы была мужиком, обязательно бы женилась на Веронике. Хотя... кто знает, как бы я думала, если бы была мужиком. У мужчины своя логика, женщине неподвластная.

Просто хорошая женщина недостаточно хороша для мужской любви, поэтому, Вероника, – добро пожаловать в наш новогодний клуб Неудачниц.

И третья, Лена Кузина, или проще, Кузя, моя соседка из дома напротив. Мы с ней вместе когда-то ходили в спортивный клуб, а после изнурительных тренировок трепались в спортбаре за стаканчиком свежавыжатого сока. Было это давно и неправда, да и наша любовь к спорту с тех пор много раз видоизменялась. На тренажерах мы с Кузей продержались недолго, зато любовь посидеть в баре и потрепаться осталась. Только свежавыжатый сок мы заменили алкогольными коктейлями. Что-нибудь вроде мохито.

– Девчонки, как же это хорошо – справить Новый год безо всяких мужиков, а? Сейчас салатиков нарежем, посидим, выпьем... – мечтательно потирала ручки Зинка, пока Вероника молча эти самые салатики реально кромсала. От нее, от Вероники, вообще всегда одна сплошная польза.

– Ага, – мрачно добавила Кузя.

Ленка замуж так и не сходила, несмотря на многочисленные попытки и даже поданное однажды заявление. Кузя была слишком хороша, мужики ее просто боялись. Впрочем, был в ее жизни один смелый мужчина, они встречались вот

уже лет десять, время от времени, когда его жена уезжала куда-нибудь. Кузя старательно уверяла всех, что это и есть любовь, в ее случае. А что встречаются редко – так еще не вечер, вот вырастут дети и тогда... А пока что пойдем-ка лучше выпьем, посидим, да и на улицу: приключений искать.

– Нет, ну действительно, хорошо же вот так собраться чисто женской компанией.

– Ну, не знаю, девчонки. Мне как-то не по себе, – откровенно призналась я. – Я ничего не могу поделать. И понимаю умом, что, слава богу, еще так легко отделалась. Ведь я же его не любила. Он же был всегда какой-то жалкий, мне его приходилось тянуть. Уговаривать не пить, терпеть все эти его похмелья, дружков этих.

– Вот подожди, еще хлебнет эта фифа с твоим горяшка, – поддержала меня Зинка. – С таким-то пьяницей. Еще пригонит его тебе обратно, скажет, что не подписывалась на такое счастье.

– Зина! – недовольно крикнули все.

Мы с Зинкой не то чтобы очень-то дружили. Она была как-то резковата, груба, что ли. Иногда такое ляпнет, что хоть стой – хоть падай. Однажды мы с еще парой девчонок были в японском ресторане, так она девочке-японке, которая что-то ей не так подала, сказала:

– Что, из Улан-Удэ приехала? Японцев-то брать дорого, теперь бурятов у нас нанимают японками работать?

– Зина, ты что! – сдавленно шипели мы, но ей было все

нипочем. Мы сидели красные, а она во весь голос говорила, что сейчас в японских ресторанах ни одного реального японца не встретить. В общем, с тех пор я с ней стараюсь особенно никуда не ходить. Но курить на работе я с ней курю. У нас все курят со всеми, иногда большими шумными дымными компаниями, а иногда расползаясь по парам. Сейчас я постоянно курила с Зинкой, как с чуть ли не единственной в нашей «бухгалтерье» (как нечто среднее между бухгалтерией и богадельней) разведенной дамой. Она думала, что поддерживает меня своими советами и мудрыми напутствиями. На самом деле я просто старалась как можно меньше времени проводить в одиночестве, которое все больше сводило меня с ума.

– Так, кто за то, чтобы пропустить по стаканчику? – Кузя звякнула бокалами и призывно кивнула. – Грустить на Новый год – это дурной тон. Напьемся, девки?

– А то как же! Обязательно напьемся, – поддержали все. А я не стала откладывать и перешла от слов к делу. И опрокинула бокал с шипучкой в себя. Мы все вчетвером, нашим безмужицким коллективом, сидели на моей маленькой кухоньке (6 м кв., в бедрах тесновата, если бедра как у той тетки из загса) и пили шампанское, раскладывая салаты по мискам. Кешка обычно на Новый год старался меня куда-нибудь вывезти. Туда, где тепло и нету снега, потому что я люблю, когда тепло и нету снега. А когда холодно и кругом снег – я не люблю. Сейчас в Москве снег был, но был он ка-

кой-то мерзкий, подтаявший, смешанный с грязью от машин и оставляющий следы на обуви. Интересно, где там Кешка, что он там сейчас делает со своей новой женщиной? Хотя о чем я? На часы-то смотрела? Уже почти двенадцать, в это время Кешка уже напился вусмерть и лежит где-то в номере, ловит вертолеты. А его Лера сидит в баре в вечернем платье и думает, как ей это все до смерти надоело. Впрочем, зачем я-то об этом думаю в новогоднюю ночь? Я решительно налила еще шампанского в бокалы.

– Давайте, девочки, выпьем за мой развод – чтоб земля была пухом моему браку, – сказала я, поднимая бокал. – И еще давайте выпьем за свободную женщину Маргариту Дорофееву, то есть уже теперь опять Маргариту Иващенко. С Новым годом!

– С Новым счастьем! – дружно поддержали девчонки, выразительно подмигивая мне. Мол, чего ты грустишь, не грусти! Какие наши годы, будет еще и на нашей улице праздник. Не Кешкой единым жив человек! Будешь ты еще счастлива – счастливее его! Я слушала их, кивала, улыбалась в ответ, но внутри совсем не чувствовала уверенности в том, что все так и будет. Мне было плохо. Уже давно, вот уже несколько месяцев, только я не хотела себе в этом признаваться. Раньше, пока я была с Кешкой, я часто влюблялась. Не то чтобы специально, просто так получалось, что мужчины крутились вокруг меня целыми стаями. А сейчас как повымерло, просто никого, хотя я действительно, и это тоже надо признать,

нуждалась в помощи.

Я заметила, что практически все мужчины готовы переспать с женой своего друга, коллеги, босса, хотя официально они считают мужскую дружбу святее святых. Ой, да чего один только Виноградов стоил! Теперь он в мою сторону и смотреть не хочет, и жене своей не дает, а сам в свое время как дышал, как дышал. Полный страсти и любви, плевал на Кешку с высокой колокольни. Нет, мужики – это просто сволочи, подумала я. Наверное, потому они все разбежались, что чувствуют, как я их ненавижу. Всех без исключения. И вообще, настоящей любви никакой нет, есть только обоюдovýгодный обмен.

Сейчас из всех моих прежних знакомых в строю остался один только Виктор, да только и того я погнала сама. Как-то они все мне разом осточертели, женатые мужики, готовые соврать любому ради собственного удовольствия. Я бы с удовольствием обошлась без них. Но я скучала по Кешке.

Это было необъяснимо, но иногда я даже просыпалась по ночам в слезах, оказывалось, что я плакала прямо во сне. Мне часто снилось практически одно и то же, будто он сидит в моей комнате напротив нашей кровати и молча смотрит, как я сплю. И я просыпалась с ощущением, что он все еще здесь, рядом. И уже не могла заснуть, до утра сидела на кухне, курила, пила остывший кипяток из носика электрического чайника. Смотрела в окно, как зима покрывает снегом машины. Как темное небо становится серым и остается

таким на весь день. Жизнь была пуста и бессмысленна, но я старалась об этом не думать.

– У тебя созависимость, – сказала мне умная Зинуля.

– От чего?

– Не от чего, а от кого. От мужа твоего бывшего. Не можешь ты без него обходиться.

– Но я же не люблю его! – удивлялась я.

– А знаешь, так бывает. Я вот совершенно не люблю свою работу. Но без нее тоже не могу – скучаю.

– Это не одно и то же, – обиделась я немного. Но что-то в Зинкиных словах было правдой. Я жила словно в постоянном ожидании. Ну когда же это наконец кончится? Ну когда же все встанет на свои места? И что это за места?

К весне я выдохлась совсем. Я устала, ужасно устала и к тому же неважно себя чувствовала. Я зверела от вопросов окружающих, от моих жалких попыток изобразить, что у меня все хорошо, от их все равно сочувствующих взглядов, от постоянно кончающихся денег. Тот конверт, что мне сунул Кешка на разводе, я брезгливо пересчитала и отдала целиком, как есть, за квартиру. Квартира была съемная, так что надолго бы этого все равно не хватило. Но по крайней мере я могла не думать о переезде до конца весны. Но и весна наступила быстро и неотвратимо, а в моей жизни не поменялось ровно ничего. И я сидела на своем рабочем месте со страшной головной болью, с желанием покурить и страхом, что боль от этого только усугубится. Сегодня мне было как-

то особенно плохо. Я пришла на работу практически на автopilоте.

– Вот надо же – была-была зима, и вдруг на тебе. Потекла природа, – возмутилась Раиса Львовна, стряхивая с плаща тонну воды. – Ботинки совсем убились.

– Апчхи! – согласилась я с ней. Весна пока не баловала солнышком и ясной погодкой. Зато ноги промокали постоянно, а в сочетании с авитаминозом все это неминуемо привело к мерзкой ОРЗ. Мне даже показалось, что у меня немного поднялась температура, хотя обычно у меня температуры не бывает. Так и болею, на ногах.

– Что ты нам бациллы по рабочему месту размазываешь? – проворчала Раиса Львовна. – Надо дома сидеть, бульон пить.

– Да? – прохрипела я. – А кто будет отчет готовить? Пушкин?

– Пушкин? А что, он в отчетах что-то понимает? – удивилась Раиса, вспомнив нашего фирменного шофера Вадика Пушкина. – А, это ты шутишь? Шутка юмора? Ты имей в виду, я в такую погоду юмор не понимаю.

– Апчхи!

– Да возьми ты больничный, честное слово! – всплеснула руками она. Я чихала, кашляла на свой компьютер, но почему-то не хотела брать больничный. Как бы мне ни было худо, дома мне было хуже. Бродить из одного угла в другой в чужой квартире, не имея никого рядом, чтобы даже чай с

малиной сделать – нет уж, увольте. Да еще полезут в голову разные мысли. К примеру, о том, что я уже не та Марго, к которой так привыкла, – веселая и беззаботная бабочка в красивом платьице. Я – неудачница. Но об этом ни слова, даже самой себе. Помолчим, может, проблема исчезнет. Может, что-то изменится.

– Где первичная документация? – спросила я, проигнорировав призыв начальства валить домой. – Какая сво... нехорошая девушка завалила все накладные за папки с договорами?

– Трудоголик ты наш, – ехидствовала Зинка.

– Не мешайте. Дайте посчитать НДС, – отвернулась я, сосредоточенно перемножая суммы. Перемножение почему-то не складывалось. Окошко серого калькулятора вдруг перестало показывать сумму. Первое число показывает, а сумму нет. Я потыкалась, простонала от головной боли, прикрыла глаза рукой. – Черт, да что ж такое. Почему калькулятор-то не работает?

– Калькулятор? – переспросила Зинка, нависая надо мной и с любопытством меня разглядывая. – И что калькулятор?

– Да вот, сумму не выдает. Может, батарейки кончились, – я почувствовала, что ужасно хочу спать.

– Это у тебя батарейки кончились. Господа, – обратилась она в эфир. – То есть дамы. Вот вам типичный случай буйного помешательства на почве сведения годового баланса. Баланс еще не сведен, а человека уже можно паковать в дурку.

– Что ты мелешь? – возмутилась я. – И не ори, без тебя голова отваливается.

– То, что у тебя голова отваливается, я и без тебя поняла. Если уж ты начала считать суммы по городскому телефону – это уже все. Лечению не подлежит.

– Что? – очухалась я, убрала руку с глаз и уставилась на калькулятор. Так и есть, дожили! Я пыталась посчитать что-то на собственном офисном телефоне. Доработалась. Набирала НДС кнопками телефона, вот умница. А если бы мне ответили? Представляю, я набираю сумму из накладной по фурнитуре к мебели, а мне оттуда:

– Алло? Ваша сумма 3332233! – и под занавес меня увозят в дурдом.

– Так! Все, курить, – объявила я, вскочив из-за стола. Голова закружилась от резкого движения, и я чуть пошатнулась.

– Куда тебе курить? Пожалей себя, – высказались все, но тем не менее мы все-таки покурили, а потом я была отправлена до дому, до хаты, несмотря на все мои возражения и доводы.

– А как же баланс?

– В таком состоянии ты напишешь такое, что нас всех посадят, – заявили они. И я была вынуждена смириться. Нигде мне нет места, никто меня не хочет видеть.

Ну и ладно, ну и пусть. Я вышла на улицу, постояла и посмотрела на противный холодный дождь, превративший снег

в кашу грязи. Посмотрела на небо, полный ушат новых порций влаги, прикурила еще одну сигарету. Домой не хотелось совершенно. Там было неприбрано, не было еды, а в шкафу все еще висели Кешкины рубашки. И если прижаться к ним лицом, можно было почувствовать даже его запах. Может, Зинка права и у меня какая-то странная форма зависимости? Или все это из-за того, что он меня бросил? Может, во мне до сих пор говорит уязвленное самолюбие? Но почему мне снятся эти сны?

Я пошла потихоньку к метро. Наша контора была совсем недалеко от кольцевой «Белорусской». Я поднялась на мост и немного постояла, глядя на бесконечный поток грязных машин и ошалевших от пробок водителей. Гаишник с палкой в руке регулировал то, что должно называться движением, хотя было бы правильнее назвать это стоянием, и с неодобрением поглядывал на меня. Мол, давай, дорогая, не стой, проходи. А я стояла и смотрела назло ему и думала о чем-то. Или, вернее, не думала ни о чем. Только об этом бесконечном потоке машин, о том, как это бессмысленно, сначала ехать куда-то туда, а потом оттуда. И это и есть наша жизнь.

А потом я достала мобильник и набрала Кешкин номер. Сама не знаю, зачем я это сделала. Глупо это было, конечно, и совершенно ненужно. И вообще, надо все-таки как-то научиться себя уважать. И помнить, что счастье – это такое внутреннее состояние, и что только от нас зависит, быть

счастливыми или нет. Чушь! Я точно знала, что сейчас нет ничего такого во мне, что могло бы сделать меня счастливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.